

ДОМ С ВИНОГРАДНИКОМ

Дом с виноградником как недостижимый горизонт. Пока идёшь к нему, живёшь. Дожить бы до объявления в газете о продаже виноградника в районе села Хмелёвка, что стоит на высоком берегу Волги южнее Саратова. Впрочем, район пусть будет любой другой.

Отчётливо вижу его на южном пологом склоне холма – их немало по дороге к Хмелёвке и вокруг неё. Добротный дом под черепичной зелёной или бордовой крышей. Небольшие постройки возле него – винодельня, винный погреб. Даже если бы рядом были винодельные заводы, принимающие от местных фермеров продукцию, то домашнее вино всё равно незаменимо. Вокруг ухоженной усадьбы небольшие виноградники. Ровными рядами растут прекрасные местные полуукрывные сорта столового винограда и винного, неукрывного, амурских корней. Под щедрым волжским солнцем с мая по октябрь наливаются на шпалерах соком гроздь жизни.

Да, пока эта наполненная благодатью картинка, списанная с виноградных шато Франции, живёт лишь в воображении. Но ещё не вечер, господа, далеко не вечер. А виноградных кустов на дачных и приусадебных участках становится всё больше, и домашнее виноградное вино уже продают в небольших ресторанах. Из Саратовской области Бургундию или Апулию не сделаешь. Но небольшим виноградным раем она стать может. Да и становится потихоньку руками безвестных энтузиастов. И с каждым выращенным виноградным кустом на нашей земле прибавляется мудрости, благородства и свободы.

Об истории возделывания древнейшего растения, его благотворном влиянии на развитие человеческой цивилизации, оздоравливающем воздействии сказано и написано столько, что можно только повторить. И всё же трудно удержаться, чтобы не внести хотя бы несколько своих штрихов в общую картину.

Присоединяюсь к мнению, что виноград был тем самым запретным плодом, вкусив который наши прародители прозрели и увидели, что они наги. Какие ещё плоды могли способствовать изменению состояния их девственного сознания? И какие плоды могли оказаться на Древе познания Добра и Зла, которое ведь не было фруктовым? Без вездесущей виноградной лозы здесь явно не обошлось. Не поэтому ли с её выращивания и начал новую жизнь после потопа достопочтенный Ной? Какая жизнь без сладкого винограда и ароматного вина?

Забота о приготовлении вина вела к оседлой сельской жизни, лежащей в основании современной цивилизации. Так что последуем совету Экклезиаста: «Ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим». Тысячи лет виноград мнут руками, топчут ногами, давят прессом, чтобы получить из него напиток богов. Вино одновременно с зерном называют Божьим даром. В честь бога вина Диониса древние греки устраивали празднества, положившие начало развитию танца,

поэзии, драмы и комедии. Религиозные переживания возвышают вино до подобия божественной крови.

Вино, как и всё живое, рождается в сокровенной темноте. И выказывает свой блеск, красоту цвета, тонкость аромата всего лишь на несколько часов, а то и минут перед своей смертью. Ведь чтобы судить о вкусе вина, его следует выпить.

Казалось бы, изготовить вино не такой уж и великий труд. Вырастил виноград, собрал грозди, подавил, сусло отбродило и вот оно – терпкое, душистое! Что же охотников немного? Несравнимо меньше, чем желающих его отведать.

Процесс изготовления и созревания домашнего красного сухого вина не для слабонервных. Похоже на хождение по минному полю, поскольку не знаешь, где «взорвётся». Но каждый заход в винодельню поднимает настроение. Бродит! Сусло розовое, запах приятный.

Виноградарство, как и писательство, дело одинокое. Сколько книжек ни читай, сколько ни общайся с другими любителями, в конечном счете, оказываешься наедине с виноградным кустом.

Не броский, не на публику, неукротимый дух винограда. Его воле к жизни, жизнестойкости можно позавидовать. В виноградный черенок, с осени воткнутый в землю, надо верить до конца. Даже на следующий год оставить. Огонёк жизни в нём пробыётся обязательно, и выйдет зелёным листочком из верхней почки. А надо будет, и новую почку вытолкнет к свету. Только бы солнца побольше над макушкой. А нет, так и в тени будет расти, тянуться, разрастаться, ну, плодов будет меньше, и созревать они будут дольше.

У каждого моего виноградного куста своя история жизни, порой не без драматизма, у каждого свои особенности, хотя бы и сорт был один и все саженцы с одного отводка. Для стороннего взгляда все эти подробности малозначительны. Но я ими живу, насыщаюсь, они вплетаются в мою жизнь, мысли, выводы.

Значимость виноградного дела подчёркнута в Библии. В ветхозаветные времена даже во время войны тому, «кто насадил виноградник и не пользовался им», разрешалось возвратиться «в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им».

Если бы библейские патриархи оказались в моём саду, то первым делом они бы направились к виноградным кустам. И принялись бы расспрашивать, удивляясь моей формовке кустов. А потом, после угощения, рассказали бы мне, как работали с виноградом в их времена.

На древнем Ближнем Востоке с созреванием ягод семьи виноградарей перебирались в сторожевую башню посреди виноградника. По ночам люди охраняли виноград от воров, а днём собирали его и укладывали в большие корзины. Виноград ели свежим, пили его сок, сушили, но больше всего винограда давили для изготовления вина.

Нелюбовь к спелым виноградным гроздьям для меня непонятна. Так можно и хлеб невзлюбить, и сам род человеческий. Ведь лоза с гроздьями

винограда символизирует плодородие и страсть. Без них Земля так и осталась бы пустынной.

В Испании под звон новогодних полуночных колоколов многие стараются съесть 12 виноградин, по числу месяцев. Испанцы верят, что столько и желаний исполнится в новом году.

Поверим в это и мы.

РАССВЕТ ЗА ГОРОДСКИМ ОКНОМ

Былые страхи перед смертью потихоньку увязают где-то в толще времени. Совсем не оставляют, лишая, порой, сна. Но и вновь прожить то, что прожито, нет желания. Ведь с радостями вернутся и горести.

Постепенно начинаешь смотреть на себя как бы со стороны. И с каждым взглядом прожитые годы разворачиваются всё отчётливее. Нам не дано заглядывать в своё будущее. Но от прошлого, от того, что случилось, не отрестишься, не спрячешься. И всё-таки злое хочется забыть. А доброму улыбаешься, черпаешь в нём силу для нового дня.

Суетное, мелочное, слава Богу, отступает.

Чаще вспоминаются уже ушедшие друзья. Обычно мы ждём от дружеских отношений слишком многого. Отсюда наши сетования, что, мол, настоящих друзей раз-два и обчёлся. И я так считал. А теперь вижу, что все, с кем довелось пройти по дороге жизни хотя бы несколько шагов, были мне друзьями.

Бывает остро, до слёз, хочется увидеть давно умерших родных людей. Поговорить с ними, как раньше. Приехать, например, снежной зимой в старый калининский домик, пообщаться с тестем, тещей. Поговорить о жизни. Ощутить её незатейливое течение, разлившееся вокруг спокойствие.

Пока ресурс не выработан, мозг работает круглосуточно, утомляя своего владельца. Даже во сне он не расслабляется, рождая яркие, изматывающие видения.

Бывает, что боль тигром врывается в тело, а уходит из него черепашьими шагами. Как же страшна больная беспомощная старость! Внезапная смерть, когда ты еще бодр, деятелен, выглядит благодеянием. Разум с этим согласен. Но чуткая изменчивая душа пасует, тоскует, не хочет исчезать, понуждая разум выдумывать спасительные пути.

Человек не владеет своим рождением и смертью. И на пути от рассвета жизни к её закату он себе не хозяин, зависит, как младенец от матери, от обстоятельств и случая. Но он полноправный участник этого неповторимого шествия. А ветер дует только в развёрнутые паруса.

В чём проявляется радостный огонь жизни? В жадности приобретения? В ресторанном веселье? В диких выходках с драками? Или в семейных утешениях, муках творчества, удачной рыбной ловле, разведении виноградника? Или каждому всё-таки своё?

Во что верю я, что накопилось в сухом остатке моих многолетних раздумий?

Верю, что Космос вокруг меня развивается по своим неизблемым законам, что его необозримый мир един в своей основе и неисчислимо многообразен в своих проявлениях. Уважаю людей разумных, с ответственной моралью, свободных и самостоятельных. Человек может призвать на помощь кого угодно, хоть самого Господа, но решающий шаг он всегда должен сделать сам. Да, мы всего лишь одни из скромных участников космического процесса преобразования частиц. У этого процесса нет цели, но есть катастрофический конец. В отличие от других жителей Земли мы это знаем. И упорно ищем выхода из безвыходной ситуации.

Его смогут найти только умнейшие, достойнейшие из нас. А что делать остальным? Помогать по мере своих сил и наслаждаться отпущенным судьбой радостям. Быть благодарными каждому дуновению ветерка. Ведь человек счастлив только тем, чем он живёт, и чем больше находит он ответов на свои вопросы, тем радостнее переживаемые им ощущения, круче полёт его мысли.

Жизнь – это жизнь, а не бесцельное прозябание в застенках, пусть и раззолоченных. Поэтому до слёз обидно, когда люди не видят, не чувствуют окружающую их красоту, живут кое-как. Часто мы путаем успех с истиной. Но ведь успешен был и Дракула. Однако истина состоит в том, что он истязал людей и губил их души.

В моей душе постоянно цветёт и плодоносит сад. Помню, как в первый раз подошёл к яблоне, это был мальт, обнял его и почувствовал, что он мне родня. Если труд и сделал человека человеком, в чём я, как и многие, сомневаюсь, то это был труд в саду – кусочке дикой природы, облагороженном человеком.

Всё хорошо в меру. Только у каждого она своя. А сад учит чувствовать меру, основанную на такте, гармонии. Однажды две недели мучила распухшая от укуса нога. Пущенный в неё яд был мстью того, кого я, пусть и ненароком, раздавил движением пальца. Стоило немного побегать и ступить на ногу становилось больно. С отдыхом она успокаивалась. Сад своей спасительной тенью, зреющими плодами всех цветов радуги подсказывал: «Не суетись, угомонись – и нога пройдёт, и жизнь бодрая продолжится».

«Я не прав», – что тяжелее этих слов?

Мы не в состоянии ни отдать больше, чем у нас есть, ни взять больше, чем сможем. И как же глубоко трогает сердце оказанная без всякой корысти помощь.

– У тебя всё в порядке?

– Даже у Христа не всё было в порядке. Он был беден, его преследовали за убеждения и, в конце концов, зверски убили.

...Проснулся зимним утром. За городским окном ещё темно. И вдруг в течение нескольких минут свет заполнил всё видимое пространство. Темнота ночи заменялась светом дня прямо на глазах. Потом пошёл новогодний

снежок, пушком покрывая старый слежавшийся. Весь покров заискрился, хотя солнце едва пробивало плотный полог из облаков.

ЗОЛОТОЙ БЛЕСК ФОРЕЛИ

По слухам, в речке Хмелёвке, протекающей недалеко от наших садов, когда-то водилась форель. Решили с сыном проверить.

Утро выдалось славным – тихо, солнышко. Мы прошли с километр-другой вверх по течению за посёлком Хмелёвским, никого не встретив. Но попадались тропинки, сбегаящие к речке, перекинутые на другой берег хлипкие мостки.

Речка, летом похожая, скорее, на большой ручей, бодро бежала поймой, заросшей травой, кустарниками, огромными раскидистыми дубами и вязами. Говорят, что сто лет назад речку запруживали под водяные мельницы. В запрудах и разводили форель. Похоже, что так и было.

Мы продвигались зыбким берегом, перешагивая через коряги, обходя ямы с подсыхающей грязью, путаясь ногами в зарослях. Нас окружали гулкие птичьи голоса, монотонное жужжанье насекомых и волнующие запахи неизвестных нам цветов. А глаза невольно высматривали в бегущих волнах золотой блеск форели.

С утра было свежо, но вот уже накатывает горячее солнце. Спасаясь от жары, зашли под прохладный полог дубовых крон. Почувствовали себя в райском саду, который походил, скорее, на такую вот густонаселённую речную пойму, чем на современные ухоженные парки. Недаром же многие из нас любят заросшие сады с петляющими тропинками и высокой травой. В заросшем, а еще лучше заброшенном саду душа чувствует себя свободнее и естественнее.

Повернув обратно, мы перешли дорогу из Саратова на Красный Текстильщик и всё той же спасительной густой поймой добрались до устья речки в старинном селе Хмелёвке. Устье оказалось широким, весной здесь, наверное, хозяйничает бурный поток. Пока же речка с небольшим шумом впадала в Волгу возле крутого обрыва.

Мы немного походили по пологому волжскому берегу, усеянному галькой. В спокойной воде отражалось чистое синее небо, вдоль берега зеленели полосы камыша. Мирную картину довершали терпеливые фигуры рыбаков.

А что же форель? Кто знает, может, вернутся на тенистые берега Хмелёвки предприимчивые энергичные люди, запрудят её быструю воду и вновь заплещется в ней рыба с радужной чешуёй.

ПУТЕШЕСТВУЮЩАЯ МАРГАРИТКА

Видели всё на свете

Мои глаза – и вернулись
К вам, белые хризантемы.

Иссё (1653-1688 гг.)

С утра 1 градус тепла, то и дело моросит. Душа изболелась за виноград. Но вот сквозь облака проглянуло солнце – чёткий кружок мутно-белого цвета. Дорога в сад подсохла.

Виноград открыт и наконец-то свободен.

А сад уже живёт – проклюнулись нарциссы и крокусы, торчат верхушки тюльпанов. Просыпающийся сад невзрачен, неуклюж, как любая жизнь, делающая первые шаги. Появившийся из небытия младенец тоже далёк от красавца, в которого он превратится через сколько-то лет. Но как для родителей их дитя прекрасно всегда, так и хозяину его сад всегда интересен, привлекателен. Еврейские мудрецы утверждали, что когда срубают плодовое дерево, голос его доносится до края Земли, хотя человек этого голоса и не слышит. И ещё они учили: "Если ты занят посадкой дерева, а тебе говорят: «Вот, пришел Машиах!», то закончи посадку и лишь потом иди встречать его». Машиах, между прочим, это мессия, спаситель человечества.

«Весна. Желанья блещут новизной». Сказано Омаром Хайймом почти тысячу лет назад.

Вышел как-то в обед прогуляться под румяным мартовским солнышком. Рядом оказалась знакомая молодая сотрудница.

– Ой, хоть бы всё растаяло быстрее, а то у нас 24 апреля свадьба!

– У тебя?

– Да, я замуж выхожу.

И столько счастья в её глазах, столько радости в каждом движении.

– Но жених-то достойный?

– Конечно, достойный. Ведь я столько лет его ждала.

Нет, господа, мы ещё не пропали.

Но вот и апрель на исходе. И снег, и лёд давным-давно растаяли.

Прошёлся с чаем по саду. Всё в порядке. Скворчиха молча выглядывает из «окошка». Заворковал самец горлицы. На мгновение поссорились воробьи. Щебет, призывные песни.

Яблони дружно выпускают листья, причем, зимние идут вровень с летними сортами.

Вечером сад освещает яркий свет луны. Тихо и холодно.

С утра три сороки ссорились возле гнезда. На меня они поглядывают понимающе, по-свойски. Скворцы высидывают птенцов. А вот трясогузок не видно. Божьи коровки обсыпали смородину и крыжовник. Всюду жужжащие мохноногие. Первый салат из батуна, лука-лизуна, зеленых побегов молодого чеснока и щавеля. Высокие штамбы винного винограда Потапенко, выдерживающего сорокоградусные морозы, заплёл в «косы». Заплёл не ради одной красоты – так они устойчивее, куст раньше плодоносит.

Хорошо работать в саду, думая обо всём благодушно, без терзающей душу остроты. Время – деньги, привычно бросаем мы, имея в виду, что, мол, нечего попусту болтать, лучше ещё заработать. Но время имеет и свою, собственную ценность, которая дороже любых денег. Ведь деньги – это всё-таки бумажки. А время – жизнь.

Птичий гомон постепенно заполняет окрестности. Садовые птицы почти все в наличии – появились и трясогузки, и чечеты. Не слышно только иволги, крупной ярко-жёлтой птицы. С волнением жду иволгу в весеннем саду, и потом всё лето прислушиваюсь к её волшебному пению, ловлю глазами её царственный пролёт над яблонями и аморелью.

Жизнь в саду продолжает разворачиваться своим чередом. Вот у малины набухли почки, вот вылезли листья, вот появились новые ростки недалеко от плодоносных побегов. Расцвели сиреневые крокусы, потом жёлтый нарцисс, следом красные тюльпаны. Вначале расцветают абрикосы – ранние, поздние, потом черешни, аморель, а там и яблони, слива.

Ничто не в силах помешать природной поступи. Это успокаивает, наполняет уверенностью. «Воистину, хлеб питает плоть, но цветы питают душу» (из Корана).

В жизни всегда один пашет, обливаясь потом, а другой рядом собирает цветы в нарядный, тонко пахнущий букет. Один пашет, а другой пляшет, говорится в народном наблюдении. Но сплясать горазд каждый. А чтобы собрать изысканный букет нужны вкус, знания и время.

Анна Ахматова заметила, что к путешественникам Модильяни относился пренебрежительно. Он считал, что путешествия – это подмена истинного действия. Модильяни относился к путешественникам, как я к туристам. По мне, так туризм – это одно из проявлений человеческой суеты, удовлетворение праздного любопытства. Многие люди бегают по планете, восхищаются чужими садами, оставляя свои в небрежении.

Пара лесных диких голубей опустилась на свежевскопанную землю, чтобы покормиться. Не пёстрые птицы, так, серо-пепельные со скромным белым ожерельем. Но осанка, гордый взгляд. Уверенные в себе, спокойные птицы. Во всём внешнем облике и поведении видна порода. Крупные птицы, от которых берёт начало всё разнообразное племя культурных голубей.

Между тем моя пара взлетела на ветку дуба недалеко от скворечника. Самец стал клювом ласкать свою подругу. По человеческим понятиям, целовал её в голову, шею. Она принимала его ласки как должное, с видимым удовольствием.

Когда смолкают оглушающие округу звуки «дорожного радио», свежо, острее воспринимаешь звуки живого мира. Кажется, что слышишь ход муравьёв.

В 10 часов смотрел по телевизору военный парад на Красной площади. Участие в нём англичан, французов и американцев растрогало. Хорош был и туркменский майор на белом ахалтекинце, якобы потомке «коня Жукова». Много же во мне ещё дурацкого.

Нежарко, погода с намёком на дождь, но пока обходится. Пробивается солнце, сопровождаемое беспрестанным свистом, щебетом и пением всех окрестных птиц. Мой сад – это и есть та самая цветущая сложность, о которой говорил Константин Леонтьев.

У винограда не то, что ветку, каждую почку осмотрел и ощупал, попутно убирая слабые побеги, двойники и завязи на саженцах. Очистил от зелени штамбы и рукава.

Трясогузки всё ещё бегают друг за дружкой, играют, ухаживаются. До гнезда у них дело пока не дошло. Не спешат вешать себе на шею семейный хомутик.

После роскошного дождя сад парит. На солнце жарко как в июле.

Страстно заворковал самец горлицы! Густо, почудилось, что даже с хрипотцой. Словно птичий Высоцкий песню о любви запел. Не одно, может быть, чуткое женское сердце в округе сладко вздрогнуло.

Объявилась прошлогодняя серо-белая кошка, взматеревшая, но с тем же синим бантом на шее. Заметив меня, затаилась за коряжиной на тропинке заднего соседского двора. Несколько минут мы рассматривали друг друга в упор. Я с улыбкой, она, настороженно водя глазами за моими движениями.

Как-то пожелал знакомой даме: «Пусть сам воздух вокруг тебя будет добрым!» И самому захотелось доброго воздуха вокруг себя. Чтобы согреться им, дышать, ощущать его всей кожей, всем существом своим. А злой воздух пусть носится где-то там, за доброй завесой, не задевая меня.

Под яблонями на каждой травинке капля росы. Скворчата вывелись, семья летает вокруг скворечника, порхает по соседним дубам, спускается на грядки, в малинник. Соловей уселся на проводе возле столба наверху и поёт, широко раскрывая свой маленький клюв, поглядывая на восходящее солнце.

Соседка слева опрыскивает какой-то химической гадостью сорняки и уверяет, что через пару недель они, согласно инструкции, исчезнут, поскольку через листья и стебли в корни поступит команда: «Отсохнуть!»

Приехал Ванюшка и сообщил, что Тимоша впервые сказал: «Ма!»

Мой внук Тимофей родился в конце 2009 года. Весь 21 век, считай, от начала и, дай-то Бог, до конца будет веком его поколения. А мы, родившиеся в середине прошлого столетия? Мы – помощники, рабочие ступени космических кораблей. Наше дело – вывести их на высокие орбиты и сгореть в плотных слоях прожитой жизни. Но сейчас главное, чтобы Тимофей зимой побежал по Земле своими ножками, вместе со всем человечеством то убыстряя, то замедляя её ход. Сказано пафосно, но рождение младенца и должно вызывать высокие чувства и мысли.

Засмотрелся на куст цветущей красной смородины. Наверху работали пчелы. По стволам бегали муравьи к стадам пасущихся под нежными листьями зелёных тлей, забирая у них сок. Самими тлями интересовались многочисленные божьи коровки. Хватало вокруг и других насекомых – пролетающих с жужжаньем, садящихся на куст и взлетающих с него. Некоторым это не удавалось – попадались в сети тут же деловито хлопчущего паучка.

Стихия сада, лета охватывает, когда остаёшься один. Вещь это тонкая, ей легко помешать. Помогает, как всегда, знакомое, устоявшееся. Желанный вечерний ветерок разгоняет комаров. Полумесяц на своём месте – над черешней. Ёжик шуршит в одном и том же углу.

Люди в старости приходят к Богу, а я пришёл к винограду.

У Лучистого, виноградного саженца, под двумя высохшими почками пробивается новая – уже видна её зелёная мохнатая макушка. Для меня остаётся чудом, когда из засохшей, казалось бы, лозы, уже оплаканной виноградарем, вдруг проклёвывается алый еле заметный кончик почки, которая вскоре даст побег, возрождая к жизни и весь виноградный куст. Он обретает былую мощь и красоту.

Утром в яме обнаружилась мышь – умный шустрый зверёк. Сама она выбраться не могла. Бегала по дну ямы в поисках выхода, но без паники. Стал подставлять ей лопату, загоня в угол. Вначале она отбегала, потом стала залезать на железку, но соскальзывала с неё. Спустился в яму, осторожно поддел мышку кончиком лопаты и выпустил на свободу. Она спокойно побежала к щавелю и исчезла, как провалилась.

А в обед видел белку, бежавшую от банного сруба Петра Ивановича к ближнему дубу, на который она и забралась с ходу, как будто продолжая бежать вприпрыжку по земле.

В воздухе господствуют скворцы, привыкшие к нам и снисходительно на нас поглядывающие.

В сумерках переглянулся с серым котом возле дров. Он меня увидел первым, но лежал на земле внешне спокойно. Правда, когда я сделал движение рукой, дёрнулся, было, в сторону. Но я убрал руку, присел на корточки, поговорил с ним. Он выслушал меня с молчаливым достоинством.

После разговора с серым котом долго слушал шуршание сухих дубовых листьев под лапками ежа, потом увидел и его самого за забором внизу, как всегда куда-то спешащего по неотложным делам.

Солнце осыпает лучами зелень и цветы. Любуемся ирисом, ромашкой, вдыхаем тончайший аромат цветущего винограда, и всё это под разнообразный птичий говор. Расцвели первые бутоны розовых пионов, добавив красоты и благоухания.

Некоторые цветы, например, маргаритка, бордюрные травы, пересаженные в сад, начинают вести в нём самостоятельную жизнь. Они путешествуют по саду, выбирая подходящие для жизни местечки. Порой, очень удачные.

Трясогузки пищат заполошно, одна села на перила беседки и надрывается. Не я же их возмутил? Ага! Уже знакомый серый кот сидит чуть ли не под столом. А рядом гнездо с птенцами! Прогнал его. Он лениво, не теряя достоинства, потрусил к соседям.

Догадливые и смелые воробьи мгновенно проведали о «хлебной полянке». А трясогузки вроде бы потеплели ко мне после того, как я прогнал кота.

Под 30 градусов. Синее небо, тихо, только доносится далёкий гул моторной лодки. Сквозь ветки деревьев просвечивает Волга, хозяйка здешних мест.

Чем больше вглядываешься, вслушиваешься, вчитываешься и размышляешь, тем всё отчётливее, вслед за другими, понимаешь: да, мы живём в мире иллюзий. Но что это меняет по большому счёту? В основании цивилизации, поддерживая её, всё те же краеугольные камни: продолжение своего рода, выращивание хлеба и винограда, борьба за свободу, радости и горести.

Мы не знаем имён подлинных счастливых. Ведь они жили не на публику, не ради удовлетворения её страстей в обмен на признание, деньги или власть.

Далеко в Москве на 78 году жизни умер Андрей Вознесенский, призывавший тишину.

Фотограф Николай Титов подарил прошлой осенью два подержанных спортивных велосипеда. Сам он на таких колесит по области и за её пределами, фиксируя фотокамерой текущую во все стороны жизнь. Зимой мы с Ванюшкой мечтали: вот уж покрутим педалями по окрестным холмам. Увы! Велосипеды оказались шоссейными. Спускаться на них легко, а подниматься не под силу.

Блестящий танцор может стать как украшением бала, так и его бедствием. Ведь остальным, не блестящим, неуютно будет рядом с виртуозом. Разойдутся они по углам, за карточные столики и к бильярду. А бал одного танцора это не спектакль одного актёра.

Кормление птенцов напоминает конвейер. Трясогузки кормят их почти слёту, лишь на мгновение задерживаясь у гнезда. Новых червячков подносят через считанные секунды. Птенцы постоянно пищат, подгоняя и мать, и отца, а при их полёте пищат с утроенной силой. И так весь длинный июньский световой день.

Кукушка кукует уже минут 10. Повезло тому, кто загадал на это кукование, ведь каждую секунду «ку-ку».

Утром ходил поклониться Волге. Широкая, вольная, спокойная. Отступила от берега, прибавив к пляжу ещё два. Потом вернётся. На Волге затишье, вода свежая. Над головой голубой колпак с белой дымкой в одном краю и белым, почти растворённым полумесяцем вверху. Пожилой инфартник, бывший мастер спорта по плаванию, сплавал на остров Фабричный и обратно, проплыв кролем километра два, а то и больше. Жена всё это время бегала по берегу.

Тотальная цензура или её полное отсутствие? Каждому должно быть ясно, что истина где-то посередине. Нет! Одни упрямо призывают ввести больше запретов, а лучше всё запретить. Другие пугают, утверждая, что «не надо нам никакой цензуры, стоит только начать».

Способности, порой, очень яркие, есть у многих людей. Но немногие обладают умом, на который можно положиться.

Часто раб бывает весёлым, а его господин печальным.

Бывает, глупец смеётся над мудрецом, но смех-то всё равно дурацкий. Убеждать шуку, что есть рыбок нехорошо, занятие, понятно, бессмысленное. Зачем же мы это делаем?

Прочитал дневник Ивана Бунина «Окаянные дни». Природа, которую он с такой настойчивостью и прощальной пронзительностью описывал, единственная не предала в те худшие из годов порядочного русского человека, осталась верной ему утешительницей, всегда подающей надежду.

Раскол происходит не только тогда, когда одни кричат другим: ваш бог или ваша партия ложные! Но и тогда, когда одни и другие уверяют всех, что их бог или их партия единственно правильные, самые великие.

Хотя ночью пару раз капнуло из Космоса, днём жара обволакивает.

Солнце, тени от облаков, пение птиц, цветы роскошные, зелёные купы деревьев, синее небо. Впечатление, что я в чудесном саду. И не надо, следуя Хайяму, выращивать в сердце безумных желаний.

Расцвела бордовая плетистая роза, и сразу стало ясно, кто в саду королева. Восторженные католики назвали розу цветком Девы Марии. А древние греки считали, что она появилась в тот момент, когда родилась Афродита, богиня любви. На этот раз правы все.

Трясогузки вывели птенцов, кормёжный конвейер остановился. При моём появлении они больше не пищат. Просто порхают и кормятся. Собственно, птицы не боятся людей, ведь они смотрят на них сверху. Оттуда люди выглядят маленькими, умеющими только подпрыгивать.

Вопрошающий, отстранённый взгляд тяжело больного человека, почувствовавшего дыхание смерти. Может, показалось? Ошибка? Может, пронесёт? Почему он?

Но мы-то пока живы. Хочется сказать «наконец-то я свободен» не перед смертью, а гораздо, гораздо раньше.

Добрый дятел решил поднять моё настроение и выдал несколько бодрых трелей по торчащему под скворечником сухому суку. Вышло быстро и звонко.

Расколол несколько лёгких чурок. Колол, а в голове проносилось: «За пару недель до инфаркта вот этим же колуном ухал и радовался чётким, сильным ударам сердца».

– Как жив-здоров?

– Просто жив и здоров. Без всяких «как»!

Хотелось бы услышать не прописную истину.

Поранил палец острейшим японским кухонным ножом. Хлынула кровь. Жена стала ругать нож. Посоветовал ей ругать уж сразу японцев, которые вот такими ножами, видно, собираются отрезать себе Курильские острова.

Молодая клубника падает в обморок от жары. Маргаритка, кажется, уже умерла. Но вот полил, как следует, ушло солнце, и все обморочные, как по волшебству, воспрянули, смотрят молодцами.

У цветущих виноградов разных сортов есть различающие их оттенки в запахах, одинаково тонких и восхитительных. Но почувствовать их я пока не в состоянии.

Фиолетовый дельфиниум вымахал под три метра. Вырастил его из семечка, случайно попавшего в пакет с семенами розового махрового дельфиниума. Отсадил «гадкого утёнка» от розовых пушистых «цыплят». И вот он вымахал в видного со всех сторон стройного красавца.

Ну, как можно, запивая хорошо заваренным чаем ароматные клубничные ягоды, выращенные твоими же руками, огорчаться чему бы то ни было? А как можно наслаждаться чем бы то ни было, когда вокруг тебя столько горя?

Проходя мимо торговых рядов, обратил внимание на молодого скромно одетого таджика, мирно дремлющего на стуле под тёплым весенним солнышком. Что ему снилось? Яркое солнце родины, цветущие сады, отец и мать, с печалью и надеждой вглядывающиеся в северную даль? Один из таких торговцев изюмом, курагой и прочей сушёной фруктовой роскошью помог моей маме донести сумки с продуктами до самого подъезда дома. Торговки сказали, что он и другим старушкам помогает.

На созревшую аморель опустилась пара горлиц – больших, странно выглядевших на садовом дереве птиц. Рядом с ними примостились мелкие, привычные пичужки. Все они спокойно лакомились переспевавшей ягодой. Дышащая миром картина освещалась заходящим солнцем. Было тепло, тихо.

Сад и толпа несовместимы.

На заборе за сиренью грелась на солнце зелёная ящерица. Погладил её, но она не ускользала, только поглядывала на меня спокойно. Утро было прохладным, и она не успела «зарядиться».

На эволюцию, как ни хулигань, верхом всё равно не сядешь. У Космоса для нас два приказа: «Живи!» и «Умри!» Ослушаться невозможно.

В саду сухо, земля твёрдая, растения еле дышат. И это после обильного полива в предыдущие выходные, сильного дождя в понедельник. Думалось, ну несколько-то дней сад продержится. Увы, сушь. Что же на полях?!

Путешествующая по садам белая кошка хотела сцапать птенца чечета, не удалось. Тогда она по-хозяйски разлеглась под кустом финской смородины, лапой «хватая» комаров. А бедные чечеты заполошно пищали на ветках. Стал её прогонять, да не тут-то было! Она пряталась от меня в кустах смородины, потом в беседке, малине – всё не хотела покидать свои охотничьи уголья. Но пришлось уступить силе. Убежала в нижний овраг, где в мае заливались соловьи.

А вечером поймал ёжика, вылезшего из-под кучи хвороста погулять. Он и не думал сворачиваться в клубок, хотя я опрокидывал его набок, чтобы пощекотать мягкий животик. На уме у него было одно – быстрее убраться восвояси. Его нос, как стрелка компаса на север, постоянно был направлен на кучу хвороста.

Крестили Тимошу. В храме Марии Магдалины, что на краю городского парка, крещаемый был один. Молодой батюшка не жалел усилий, совершая

обряд по всем правилам. Тимоша находился в надёжных руках крёстного, с интересом осматривался, пытаясь отнять у батюшки всё, чем он перед ним орудовал. И ни звука! Слава Богу, спокойный внук. И любознательный.

Вдруг небо на западе потемнело. Слегка загромыхало. Солнце скрылось за облака. Сразу посвежело, повеяло ветерком. И упало несколько капель. Жаль, если этим всё ограничится. Но на душе полегчало – власть пекла оказалась не абсолютной.

История повторяется – начало июля, сквозь ветки дубов проглядывает ярко-жёлтый круг луны. Каждый год в одно время в одном месте. Это успокаивает, завораживает.

Засыпал под гром и молнии, шум дождя. Утром погода резко переменялась. Безветрие. На голубом безоблачном небе опять властвует жаркое солнце.

Когда-то давным-давно в одной деревне ребятам нечего было делать. А тут местный дурачок на пути попался. Они его и поваляли слегка – всё развлечение! Шёл мимо мужик и говорит им: «Да не валяйте вы дурака, лучше делом каким займитесь». Пошли все дальше своими дорогами. Дома ребят спросили: «Чем занимались, озорники?» «Да дурака валяли».

С тех пор кто только его не валял.

В выходные в садах развлекалась молодёжь. Кампания ребят шумела, бегала, на машине разъезжала. Заполночь их стайка прошла улицей, но без привычного в таких случаях мата, кто-то даже об эволюции говорил. Позже прошла группа девчат, вот им мат был товарищем.

Гвардейски вымахавшие у соседского забора вишнёво-розовые мальвы с ярко-жёлтыми рудбекиями у подножья украшают сад, приманивая взгляды.

На тлеющий костёр смотрю заморожено. Вокруг звенят сверчки.

Служебная лямка так натёрла душу, что с выходом на пенсию, кажется, откроются райские дали, начнётся жизнь блаженная, вернее, блаженного.

Жара.

Последний раз, по сведениям синоптиков, такая жара с засухой была 50 лет назад.

В экстремальной ситуации у человека вырабатывается адреналин, а не мудрые мысли. Они вырабатываются, когда мы настроены на волну хокку, нас не отвлекают жизненные шершавости, а в помощниках – цветущий сад, подруга и чаша с вином, говоря словами мудрейшего Хайяма.

Но пока жара лишает сил, разжижает мозги. Не до творчества. Ни до чего. Между тем на пляже под сорокоградусной жарой на раскалённом песке целыми днями лежат отдыхающие, изредка «охлаждаясь» горячей волжской водой. Может, это инопланетяне? А люди уже с утра попрятались по тенистым местам?

Вечером наблюдал за распусканием цветка лунника. Вначале отклонился край одного лепестка, потом полуоткрылись друг за другом остальные три. Немного погодя они таким же порядком открыли свои чашевидные формы полностью. И всё это разом, бодро, звучно.

В одиночку, оказывается, не пошутишь. Для шуток нужны слушатели. Не случайно так много юмористов у иудеев, ведь они веками жили скученно.

Синица села на край стола, слегка поглядывая на меня. Потом спрыгнула на лавку и слетела в только что политую малину. Кого-то там нашла, взлетела на ветку аморели и расправилась с ним. Опять слетела, прыгает по малине, ищет себе пропитание. А я ведь по-прежнему в двух шагах от неё.

А вот и другая синица к ней присоединилась. Верно, синицы всегда промышленляют парой, воробьи чаще стайкой, а трясогузки бегают в одиночку.

А вот и нашествие воробьёв. Вначале они залетали в беседку, но, увидев меня, разворачивались и улетали обратно. Потом осмелели и стали стремительно пролетать сквозь беседку, ведь так короче, прямо к малине и аморели. И уже вся стая подпрыгивает, порхает, пищит.

О, Господи! Одна синица села возле чайника, другая на лавку, они возьмётся возле меня как домашние птицы. Наконец, одна из синиц, прыгая под столом, клюнула меня в ногу.

Историки вспомнили о летописях, в которых за тысячу лет о подобной жаре упоминаний нет. Геологи пошли ещё дальше, утверждая, что подобная аномалия встречается раз в пять тысяч лет. Между тем в эти выходные обещают новый пик жары. Господа, ещё месяц такого пекла и – здравствуй, конец света!

Серый воробей уселся на ветку. Что он видит с неё?

Вечерняя тишина со сверчками.

Очищенный от старых и хилых порослей малинник выглядит свободно, юно. И это каждый июль, из года в год, хотя всякий раз растения новые и немного, но на других местах. Но в целом – нежное зелёное дежавю.

Допустим, победило добро. Тут же из него, как утверждают восточные мудрецы, станет рождаться зло. Если победит зло, часть его также станет перерождаться в добро. То ли радоваться этому, то ли от тоски завывать?

Первым человеком, сказавшим: «Мир катится в пропасть», был, конечно, Адам. Он сказал это Еве, как только они переступили порог Рая, ступив на грешную Землю.

Бывает, что приходится прислуживать самому дьяволу, но не обязательно при этом пускать его к себе в душу.

Вспоминая прожитое, бывает, невольно сдерживаешь слёзы. Сказано кем-то другим и давным-давно.

Пожилой японский режиссёр, презентуя свою картину на Венском кинофестивале, заключил: «Что делать? Вот главный сейчас вопрос». В воздухе цивилизации нагнетается предчувствие коренной перемены. Не революции, не смены власти и очередного передела собственности. Чего-то ментального, начала небывалого поворота в развитии человечества.

Три листика мне

Радовали душу.

Увы, завяли.

Это о Лучистом, не перенёвшем всё-таки испытания жарой.

Шотландский холм подсох, потерял свой горделивый вид. Буду поливать до дождей и прохлады. Без моей помощи он не продержится. Как и газоны, и все остальные зелёные друзья. Два с лишним месяца жары под 40 градусов не шутки. Природа попугивает. Что ж, покажем ей, что мы уважаем даже её причуды, но своих в беде не бросаем. Фермеры же не побежали с полей, второй год сжигаемых равнодушным солнцем. Ну, а нам в орошаемых по расписанию садовых куцах и жаловаться-то грех.

Пришла Ася – соседский трёхцветный котёнок, красивый и резвый. Учится охотиться без папы-мамы. Только этим и занята: прислушивается к шорохам, залегает, прыгает вперёд, лихо лазает по заборам и деревьям, чувствует себя в окрестных садах как рыба в воде.

Не могу наглядеться на Волгу. Для меня она как Фудзияма для японца.

На утреннем пляже встретил молодую маму с дочуркой. Ясным твёрдым почерком исписала все стенки металлического лодочного гаража: «Не оставляйте на пляже мусор, уносите с собой!»

Говорю ей:

– Вы бы лучше написали, что тот, кто мусорит, – непорядочный человек. По крайней мере, обратят внимание.

– Нет, это уже оскорбление, негативная характеристика, может повлиять на судьбу человека. Я этого не хочу.

«Любезно» предложила оставшимся мелом написать, что мне хочется.

Приятно поговорить с нормальной молодёжью.

Нашествие пернатых на сад. Аморель украсили собой иволги. Вдоль беседки носятся стайками воробьи. Стучат в дубах дятлы. Сколько же птиц кормится в садах, считая их своим домом, каждый год прилетая сюда размножаться! До садов здесь были камыши, болото.

Туча взошла,

Нещадное солнце закрыв.

Где же ты, дождь?

К полуночи луна поднялась над дубовой грядкой, смотрит прямо на дом, освещает мансарду. Вышел на лоджию, на которой пахнет сохнувшими яблоками. В упор, в свою очередь, смотрю на ночное светило в кружке марева. Видно, опять к жару.

Дома надо строить, как и вино изготавливать, от избытка, а не из чего попало. Тогда и дом крепкий получится, и вино доброе.

У Паши-сварщика боксёр-двухлетка Джесси убежала с дачи и тут же понесла, уже соски набухли. «Что будешь делать с щенками?» «Раздам, а двоих оставлю. Пусть молоко сосут, организм Джесси разрабатывают». Сам Паша – высокий немолодой мужик с лицом римского патриция. Водка, инсульты, инвалидность заперли его в саду, до которого ему дела нет. Но – любит вот Джесси, прогуливается с ней, общается с соседями, увлеченно говорит обо всём подряд, войны предсказывает. Например, предсказал грузино-осетинскую.

Ветерок в жару

Подобен лёгкой ласке:

Пришёл и убежал.

Я различаю свой чай и чай в гостях, как бы ароматен он ни был.

Стемнело. Взял дубовый посох, походил по саду. На патриарха походить от этого не стал. Но в самом посохе всё-таки есть что-то древнее, непреклонное. Жаль, что образ путника с посохом в руке в наши дни нелеп.

Закомплексованные советские граждане превращаются в грамотных потребителей, прагматичных невежд, а деятели культуры, недавние властители дум, отдают своё влияние талантливым бандитам, добивающимся наглядного жизненного успеха.

Коробят утверждения: «Я – состоявшийся человек, жизнь удалась!» Получается, что сам Иисус Христос, Пушкин или Ван Гог – люди не состоявшиеся, жизнь у них не удалась. Ведь одного распяли, другого застрелили, а третий сошел с ума.

Ловлю признаки перемены погоды. Вчера облаков было много, вечером ветер поддувал. Сегодня на Волге волны-барашки.

А вот и серьёзная туча в полнеба накатила. И гром погромыживает со стороны Красного Текстильщика. Какой приятный забытый звук – чистый, природный. Господи, а дождя? Вот и молнии заблестали. Ветер поднялся. Раскаты грома воспринимаются уже как звон пасхальных колоколов – радостно, торжественно, даря надежду.

И куда усталость-вялость делась. Ношусь по саду, спешу разнести под винограды удобрение – а вдруг ливень? Как раз бы под него. На нас, Господи, пролей свою живительную влагу, прямо на мой сад и виноградник.

Наконец первые капли застучали по крыше беседки.

Центр России по-прежнему объят лесными пожарами: горят сёла, торфяники, страдают тысячи людей. А что у нас? В 2 часа ночи к одной недалёкой даче подъехала машина с включённой на всю катушку забойной музыкой. Потом в даче раздались бодрые женские голоса. Как ни в чём не бывало.

Пётр Иванович повис на заборе возле задних ворот и просит совковую лопату. От него крепко пахнет винцом. То, что он его любитель, это ясно. Ещё бы геолог, объехавший полстраны, и не пил. То, что он мужик ловкий, тоже ясно – по банному срубам, не говоря о деревьях, лазает как обезьяна. Вчера тащил к себе бак с водой ёмкостью в 33 литра. Как муравей. Ведь сам он весит не намного больше своей поклажи.

Вечером соседи разъехались. Слышны только редкие голоса проходящих дачников. Первые сверчки. Последнее птичье попискивание. Покой. Тишина.

Бабочки, пчёлки, мушки, птички – все легко порхают в саду. И только хозяин тяжело ходит по дорожкам. Но душа его порхает вместе со всеми.

Трудно простому человеку совместить каждодневную борьбу за существование с любовью к садовым птицам, красоте цветов и неба. Но надо, друг мой, надо.

Немного за полдень. Зной уже давит физически. Полуобморочная тишина. Всё как обмакнуто в растительное масло. Вокруг струится горячий воздух.

Вечером маленький орешек вдруг начинает трепетать двумя ветками, остальные остаются спокойными. Избранные ветки треплет воздушный ручеёк, самостоятельно путешествующий в общем воздушном потоке, овеивающем мой сад.

К полуночи стали посверкивать всё ярче молнии за Волгой, потом и над Красным Текстильщиком. Вслед прошли раскаты грома. Где-то и дождь прошёл. Но над моим садом только звёздное небо.

На Земле не так много человеческих выводов, которые нельзя было бы опровергнуть одним простым несогласием. Слава Богу, я не настолько глуп, чтобы утверждать что-либо с пеной у рта. Но с нескольких кочек, на которые забрался по жизни, меня так просто не спихнёшь.

Если сжать до летописной краткости описание прошедших ста лет, то, окажется, мы жили в эпоху, равную Вавилонскому пленению, развалу Римской империи или разрушительному монгольскому нашествию. Октябрьский переворот, передел сфер влияния после второй мировой, «перестройка» потрясли мироустройство, а Россию каждый раз выворачивали наизнанку.

И сколько бед меньшего масштаба! Их не перечислить. И каждая прошла по судьбам сотен миллионов людей, желающих просто жить – работать, растить детей, радоваться и огорчаться. Нет, судари, вот вам очередная бомба... Казалось бы, с похоронами коммунизма исчезли последние социальные иллюзии. Было много аплодисментов по этому поводу. Но жизнь без социальных иллюзий оказалась тоже гадкой. Мы вынуждены постоянно возрождать сады посреди обломков своей страны.

Есть верующие, а есть знающие.

Иногда Христос очаровывает, и начинаешь относиться к нему как к старшему другу, с доверием. Другой раз задумываешься, ну, жил две тысячи лет назад иудей-чудак. Что мы знаем о нём, кроме выдуманного другими иудеями? Ничего.

В обед развлекался тем, что прокручивал в воображении возможное развитие событий вперёд.

«Кто жил и видел, тот не может в душе не презирать людей», – обронил когда-то мой единственный кумир. Прав ли Пушкин? Почему прав? Или всё-таки не прав?

Человек, не видящий чуда в каждой травинке, не найдёт его и в Иерусалиме. Он будет мусорить и на Луне, и на Марсе, и везде, куда бы его ни доставила современная техника.

У виноградного сорта Потапенко огромные кожистые листья к августу грубеют и буреют, приобретая ещё большее сходство со слоновьими ушами. И сам он обладает слоновьей мощью. На пасынках пошёл наливаться второй урожай, а потом будет и третий.

Виноградная пора наступает, когда остальные, ягодная, огородная, завершаются. Освобождается пространство, взоры всё чаще обращаются к красующимся гроздьям. Наконец, всё вокруг обращается к ним.

Культурный виноград – дело рук и разума человека. В свою очередь, благодаря винограду, виноградному вину средиземноморский человек быстро продвинулся так далеко и бесповоротно. Путь нашей жизни проходит через виноград, любили говорить древние римляне.

Бак, из которого поливал тёплой водой огурцы, продолжаю регулярно доливать да краёв. Птицы слетаются к нему на водопой. Пьют из него и хвостатые путешественники, например, рыжая кошка, которая ещё и спать приладилась под старым розовым пионом.

Уходят в небо мальвы.

На каждой по цветку:

Горят, не унывая.

Суетливые люди мчатся к смерти вприпрыжку. Это их, конечно, дело. Некоторые умудряются всю жизнь проездить верхом на тревоге. Между тем в иные жизненные углы лучше никогда не заглядывать. Как бы ни орали-шумели добрые люди, ведь не страшно. Наоборот, весело! И хочется быстрее пройти мимо даже спящего отморозка.

По всей стране тут и там вспыхивают встречи одноклассников, однокурсников, сослуживцев. Все взахлёб спрашивают друг друга: как семья, здоровье и главное – кем стал? Никто не спросит: счастлив ли ты?

Ветерок прохладный, сверчки, яркие звёзды. Взял дубовый посох, опёрся на него по-древнему привычно, доверчиво, посмотрел на небо, спросив: «В чём же твоё очарование, Космос?» Ответ пришёл сразу: «В непостижимой простоте».

Что отгоняет от ночных страхов? Костёр, свеча, лампадка, любой источник света – символа света дневного. А также близость другого человека, напоминающего о дневном человеческом сотрудничестве.

Сегодня, вот сейчас, впервые в воздухе повеяло августом. Это осознаётся интуитивно. Ведь по-прежнему жарко и сухо.

Душ, душистый чай,

Звонок приятеля

И август.

С победой конформистов на Земле мог бы наступить Золотой век. Такого не случится, поскольку эволюции нужна изменчивость, чтобы было из чего отбирать. Жаль. Везде бы жили люди, не лезущие на рожон, стойко отстаивающие свою выгоду, проявляющие ради неё необходимую инициативу, увлекающие своей невредной суетой и других. Общество состояло бы сплошь из благополучных – не глупых, зорких – граждан.

Под каждым человеком всегда находится центр Земли. Если его нет, значит, он нетвёрдо стоит на ней. Или она не его. В общем, что-то у него не так.

Одна подруга другой при редкой, видно, встрече:

– Всё у меня замечательно. Муж хорошо зарабатывает – землёй торгует. Недавно купила машину дочери, а до этого – сыну. Всё, всё есть.

– А что же плохо?

– Мне 60.

Лето проходит без радуги.

Хорошо, господа, ну, сумели вы своим талантливym пером вывернуть наизнанку всю мерзость жизни современного общества. Bravo! Забавно, что после этого вы ждёте награды, признания от этого общества. Ещё забавнее, что вы их получаете. Если раньше главную проблему жизни видели в том, что расшатан «основной фундамент нашего бытия» (Карл Ясперс, конец 19 века), то сегодняшняя проблема в том, что мы, похоже, живём вообще без фундамента.

Вперёд! Но куда? Вокруг человека в любую сторону «вперёд».

Говорят, что внешние угрозы (смерчи, засухи, землетрясения, метеориты...) способствуют развитию человеческого рода, поскольку отвлекают его от внутривидовой агрессии, то есть самоуничтожения.

Волга с утра прохладная, ветерок сердитый, пляж пустой. Прощай, жаркое лето 2010-го?

Две вороны долго стояли на берегу. Заметив моё приближение, поднялись в воздух и стали летать вдоль берега вместе с чайками.

Любовь, как солнце, посылает во все стороны обжигающие лучи, роняя на людей свои искры. Искры гаснут, появляются новые. Бывает, что искры пролетают мимо.

К пустынному почти пляжу причалила «Казанка-5». Экипаж сразу занялся делом. Один молодец побежал в магазин. Другой, в спасательном жилете, стал бродить вдоль берега, искать ракушки на закуску. Третий – возиться с мотором, без чего плавание на маломерных судах у нас не в плавание. Четвертый, уже в годах, в отличие от своих молодых, загорелых товарищей, стал руководить всем этим нехитрым процессом.

Все они грубоваты на вид. В их глазах светилась радость от свободы на огромной реке, общения с друзьями. В их движениях сквозила простота нравов их прадедов-волгарей, какими они встают со страниц бытописателей. Всё те же вольные натуры. Тот же радостный вызов во взгляде, не важно, кто там правит балом на берегу.

Опять побывал в гостях Тимоша – славный, спокойный человек, который ещё не может сказать, что у него на душе, или пробежаться по травке за котёнком Асей, так его занявшей.

Волга катит к берегу зелёные барашки, оставляя на нём густую белую пену. Речная вода кажется нашпигованной ряской. Но, когда зачерпываешь, в пригоршне находишь лишь несколько тёмно-зелёных точек.

Замолчавший было петух, вновь стал оживлять окрестности торжествующим кукареканьем.

Из тишей жары сразу бросило в холод и штормовой ветер. Даже в свитере холодно. Но вот первые сверчки подали голос в своё время, около семи часов вечера.

Корнями виноград тянется к сердцу Земли, побегами вьётся к солнцу, при этом он вращается вокруг своей оси. Если поставить палец перед ещё не нашедшим опорой виноградным усиком, то он обовьёт его – крепко, с полным доверием. Твой палец станет как бы частью виноградной лозы.

И без людей тошно, и с ними невесело.

«Эта земля моя, она принадлежит мне по закону, я плачу за неё налоги!» Глубочайшее заблуждение всех не проснувшихся. Земля не может быть чьей-то, ведь это космическое тело, господа. Право владения её частичкой означает наше, а не другого человека, право беречь её, благоустраивать, совершенствовать, делать красивой. И больше ничего. За нашу заботу частичка переданной нам в управление Земли воздаёт нам сторицей – материально, морально. Всякое другое отношение к Земле характеризует нас как невежественных, алчных наглецов, которым всё равно воздастся по заслугам, а не по нотариально заверенным бумагам, легко исчезающим из наших рук.

Прочитал об опытах по вживлению молекулы ДНК умершего человека в клетки растений. Учёный убеждал, что это очень хорошо: «Одно дело, когда человек видит на могиле родственника просто куст сирени, и совсем иное, если, обнимая ствол берёзки, он ощущает частицу тепла усопшего, которая к тому же со временем позволит вернуть дорогого человека к жизни». Да не хорошо это, господа, а страшно.

Говоря о жаре и пожарах, мы печалимся о погибших людях, сгоревших домах. А зверьё лесное? Сколько его погибло только от безводья. Даже орлы с высоты своего полёта не могли найти водоёмов. Бедняги, жалко их, беспомощных и безвинных.

Один француз встал на защиту румынских цыган. Глядя из окна своей квартиры на раскинувшийся вблизи табор, он заметил: «Они учат философски относиться к жизни. Может, в будущем мы будем жить также».

Сажаю сосны в дубах. Подошли соседские дети Танюша и Кирюша, до этого с дикими криками носившиеся по дорожке вниз верхом на лошадке и машинке. Танюша с увлечением рассказала о своих занятиях ушу, тут же показывая выученные движения. Кирюша спросил: «Почему вы её слушаете, а меня нет?» Объяснил ему, что у меня два уха и слышу я сразу обоих, ещё и птичек прихватываю. Он засомневался, мол, у вас же два уха, а не три. Но мои объяснения, что каждое ухо слышит далеко вокруг, он принял и сказал, что пока ходит только в садик.

Как и многие, я ощущаю себя человеком прошлого, и даже позапрошлого века. Ну и что?

Читаю *танка* с удовольствием и радостным невольным удивлением. Чувства древних японцев ничем не отличаются от моих.

«Право, приятно,
Когда развернёшь наугад
Древнюю книгу
И в сочетаниях слов
Душу родную найдёшь».

(Татибана Акэми)

Незаписанная мысль подобна непойманной бабочке. Какого она была цвета, формы, величины? Точно уже не передашь.

Расставаясь с коллегами, уходящими, допустим, на пенсию, говорим: «Ну, увидимся ещё, так что до свидания!» Конечно, Земля круглая. Но вспомним, сколько раз мы встречались помимо службы? Раз, другой, а то и ни разу. Так что честнее сказать: «Прощайте!»

По преданию, Жанна Д'Арк повела французов к победе над англичанами, следуя приказам голосов, услышанных в саду своего отца. Любое дерево в саду является символом Древа мира, связывающим, по древним поверьям, Космос и человека.

Иногда чувствуешь себя всадником, выбитым на полном скаку из седла. Ты повержен в пыль. Где твой конь? Твой путь и твои цели? Над тобой носятся чужие тени. Ты лежишь, не чувствуя рук и ног. Может, они переломаны, и ты не сможешь даже отползти в сторону, чтобы спастись от неминуемой гибели. В душе зарождается тоска. Удача, ты нужна как никогда!

Кто-то скрипит-свиристит на помидорном кусте перед беседкой. Сколько ни высвечивал фонарём, никого не заметил. Лягушка? Сверчок? Жук? Осталось загадкой.

Утреннее карканье ворон и грачей перекрыло все слабые пiski оставшихся ещё воробьёв и трясогузок. Впрочем, постукивал и дятел. Вспорхнула из-под ореха сорока.

Пришёл наконец-то и я к мысли, что жизнь – это гармония добра и зла. Борьба этих Вселенских начал происходит только в человеческих головах.

У пожилых людей на лицах следы былой красоты. Они похожи на увядшие в саду цветы. Или увядшие к осени цветы похожи на пожилых людей со следами былой красоты на лицах.

Обрезав аморель, вернул ей молодость, превратив из величественной дамы в небольшую озорную девчонку.

Дикий виноград вновь превратил заборы в багряные полосы.

Хитрые вороны и сороки таскают соседские орехи и пытаются раздолбить их на твёрдой земле возле нашего кострища. Иногда получается, но большинство орехов достаётся нам.

После чая – в сад, последний раз в этом году под тёплое солнышко, в тишину и покой.

Сад замирает. Дело не в осенних приметах. Это чувствуешь душой.

Ночью сады охватила полнейшая тишина. Наверху светили необычно яркие большие звёзды.

Уезжая, опять испытал прощальный шок.

Но мы ещё вернёмся в сад.

НА ЗИМНЕЙ ПРОГУЛКЕ

Прошёлся своим зимним прогулочным маршрутом вдоль бывшего авиационного завода. На большей его части теперь раскинулось поле. Летом на нём поднимаются высокие травы. Их верхушки выглядывают из-под снега.

Декоративные ели возле здания бывшего заводского управления превратились в снежные пирамидки. Внутри них сухо, тихо, сумрачно, и воробьи попискивают. Им спокойно в этом укрытом от непогоды мирке. Сидят себе умиротворённо, без жалоб.

Навстречу прошла женщина, приветливо улыбаясь, очевидно, тому, с кем она разговаривала по мобильному телефону.

Приятель как-то всё допытывался, почему женщины так не сдержанны на язык? Одна сказала, другая понесла дальше, и вот уже вся семья гудит как улей. Такова природа вещей. Выход один – относиться к женской речистости философски. С другой стороны, шустрый женский язычок может вовремя донести до мужского уха и полезную информацию.

Между тем глаза натыкались на неприбранный мусор. Между мусором и сором ничего общего кроме корня. Сор – это разнообразие, из которого могут вырасти, например, цветы или даже стихи. А из мусора может вырасти плохое настроение.

По дороге встретил бомжа с дворнягой на длинной рваной верёвке. Дворняга, непривычная к поводку, прыгала и дёргалась во все стороны. К собаке привыкаешь быстрее и крепче, чем к человеку, с которым прежде надо пуд соли съесть.

Вдруг подумалось, что можно обмануть и саму эволюцию. Пока она спохватится и наведёт порядок, тысяча лет промелькнёт. Но всё равно обман останется обманом. Кто не умеет достойно проигрывать в честной борьбе, тот дважды, трижды достоин проигрыша. На голове дурака и царская корона выглядит шутовским колпаком. А поножовщина также далека от конкуренции, как свободная любовь от гаремных страстей.

Увы, но порядочные люди, начинающие вершить правосудие с себя, выглядят зачастую утлыми лодками в постоянно кипящем море злословия. Своим осуждением мы не изменим других людей к лучшему. Только воздух вокруг себя отравим. Ветерок гармонии – как мы ждём его, чтобы разогнать застоявшуюся атмосферу жизни.

Тем временем с северо-запада подошла чернеющая туча. Дома на Комсомольском посёлке уже потемнели. И вдруг перед надвигающимся мрачным фронтом блеснуло яркое солнце! Тут же туча стала его заглатывать, призвав на помощь другую, уже ждущую её со стороны города. Голубая полоска между ними ещё немного продержалась, дав солнцу излить свои лучи. Но вот тучи сомкнулись в сплошной тёмно-серый полог. Город захвачен.

Подумалось, что неверующий человек с ответственной моралью, наверное, самое несчастное создание. Ему не на кого опереться – ни на Бога, поскольку он не верит в него, ни на мирскую власть, поскольку она является

для него средоточием зла. Хотя именно такая ситуация и способствует укреплению личной свободы и самостоятельности.

Жизнь воспринимается общим потоком. Мы так и говорим, что нас несёт поток жизни, река жизни. Но если присмотреться, то легко увидеть, что вся она состоит из эпизодов и эпизодиков, выглядит сплошной мозаикой. Борьбу дзюдо называют мягким путём к победе. А мне по душе мягкий путь по жизни. Никого не побеждая, неустанно и бодро продвигаясь к открывающимся горизонтам.

Утром, когда ещё было темно, заметил, что света в окнах многоэтажных домов немного. Молодёжь ушла учиться, взрослые – работать. А пенсионеры-старики, видно, свет экономят. О чём они думают? Может, как и у меня, у них пропал интерес к тому, под каким знаком Зодиака пройдёт новый год. Какая разница? А ведь совсем недавно всё это вызывало живой интерес, разговоры, поиски соответствующих амулетов.

В сквере Победы напротив Заводской администрации установили нарядную новогоднюю ёлку – долгожданный весёлый праздник не за горами. В сквере дети катаются с горок и в запряжённой лошадкой сказочной карете, уже ведомой кучером-Дедом Морозом.

ЗЕЛЁНЫЙ ОСТРОВ НАДЕЖДЫ

Как хорош мир и как отвратительны лабиринты.

Умберто Эко
(«Имя Розы»)

Побывал наконец-то в селекционном центре моего виноградного гуру Юры Сидоренко. Сотни зрелых кустов, саженцев, в том числе проклюнувшихся из косточек, растут на песках Зелёного острова – верхушки когда-то огромного острова напротив Саратова, большей частью скрывшегося под волнами очередного волжского водохранилища. Место летнего отдыха для бесчисленных поколений горожан и сейчас, в усечённом виде, служит им верой и правдой.

Вдоль жаркой километровой дороги к виноградному источнику бросались в глаза турбазы, лодочные стоянки, яхт-клубы. Когда-то на Зелёном черпали вдохновение художники, например, великий Гущин. С довоенных лет на острове стали качать нефть. Хорошую нефть. Она и сейчас есть, но новые владельцы временно заглушили нефтеносные жилы. Так что качалок, делающих остров фантастическим, нет. На их месте – крестообразные заглушки, а по всему острову видны следы хозяйственной былой деятельности – разбитые машины, механизмы, цистерны и прочая ржавь. Как на архипелаге Франца Иосифа. Или на Новой Земле.

Но заходишь за плетеную калитку виноградника и обо всём забываешь. Здесь господствует древний бодрый дух созревающей лозы жизни. Всё остальное этот дух поддерживает.

Поросший травой виноградник разбит на месте оврага, который хозяин виноградника засыпал своими руками песком со дна Волги. В него вложено столько труда, среди запутавшихся рядов шпалер осуществлено столько планов... Это место надежды на виноградный русский рай.

Виноградник – не товарное хозяйство, а экспериментальная площадка, на которой с редким энтузиазмом познаются секреты древнейшего растения, улучшаются его рабочие качества с расчетом на местные условия. Виноградные кисти прячутся чуть ли не в траве. Но наступает время, и каждая нарядная отборная кисть помещается в отдельный мешочек. «Их что, птицы, осы едят»? «Да нет, на всякий случай».

Лена, жена Юры, рассказала, что виноградный патриарх России Александр Потапенко с первого знакомства выделил гуру среди других виноградарей-любителей и до самой смерти оказывал ему особое – подчёркнутое – доверие. Наверное, сразу заметил исследовательскую сумасшедшинку в его пытливым, упорном взгляде.

Уже у себя в саду пытался представить, что же делают сейчас мои хорошие виноградари на славном острове Зелёном? Наверное, и там прошли дожди, избавив на время от поливных хлопот. Но ветер, может, и на острове шалил, путая лозы. Скорее всего, Юра по-прежнему не вылезает из виноградника, подытоживая свои непрекращающиеся опыты и эксперименты. Может, набрасывает мысли в своём кабинетике, окно которого распаивается прямо на Волгу. Лена ухаживает за саженцами, ведёт переписку.

Вот они сидят вечером на своём просторном крыльце. Вокруг них течёт великая река. Рядом драгоценный виноградник, средоточие души и светлых помыслов. Над ними звёздное небо. А в их душах тот самый нравственный закон, общий для всех творческих, порядочных людей. Наверное, они немногословны, понимают друг друга даже не с полуслова или полувзгляда, а поверх всего. Просто понимают. Как понимает человек разумный, с ответственной моралью жизнь природы, весь окружающий мир.

И ВСЕ БЫЛИ ДОВОЛЬНЫ

Идём с Тимой по замерзающему городскому парку развлечений и отдыха. Ладони у внука тёплые даже без варежек. Он постоянно напевает песни. Порой, самые неожиданные. Например, «Катюшу». От начала до конца. Ему на днях исполнилось всего три года, но уже не каждый взрослый угонится за ним, подвижным, любящим шумные игры. К тому же не у каждого есть музыкальный слух и цепкая память. И далеко не каждый умеет так улыбаться и смеяться, что у всех окружающих сразу поднимается настроение.

Ребёнок – это свободный человек, несмотря на нерасторжимую связь с родителями. Он дышит свободой, как воздухом. И делает, что хочет.

На вопрос: «Как жизнь?» внук отводит руки в стороны и отвечает: «Прекрасна!» По его весёлым глазам, удовольствию, с которым он совершает это движение, видно, что он точно понимает смысл и вопроса, и жеста, и утверждения. Ему и в самом деле хорошо.

Из светлой полосы на краю заставленного домами городского горизонта робко выглядывают солнечные лучи. Подошли к ещё не скованному льдом пруду. Покормили толпящихся здесь в ожидании подношений птиц. Утки осторожны – подплывают к корму, когда отходишь от берега. Воробьи пытаются схватить хлеб на лету. А голуби просто лезут под ноги, под руки. Тима не поспевал за движениями всех этих шустрых пернатых обитателей парка, но настойчиво кидал в воду кусочки и крошки от батона, пока пакет не опустел.

Чувствую себя одним из Тиминых корней, уже испытанных временем. Слава Богу, у него полный набор бабушек и дедушек, есть и прабабушки, прадедушка. Чего не было у меня, знавшего одну только «бабулю», простую деревенскую женщину, запомнившуюся кротким характером и спокойным отношением как к жизни, так и к смерти.

Человеческие корни совсем не отвлечённое понятие. Они также ощутимы, как и корни деревьев. И чем они разветвлённее, крепче, тем крепче и мы в ураганной нашей жизни. Будем сгибаться до земли, но не сорвёмся, останемся на своём родном клочке. В отличие от деревьев, мы можем осмотреть свои корни, оценить их, призадуматься. Впрочем, как знать, может, на это по-своему способны и деревья.

Подошли с Тимой к большому развесистому дубу. Подал ему заранее приготовленные для белки очищенные от скорлупы грецкие орехи. Постучали по стволу. Белка тут же высунула с другой стороны свою весёлую мордочку, осторожно спустилась вниз, ещё осторожнее взяла корм из рук затаившего дыхание Тимы и стрелой поднялась вверх.

Потом подошли к вёслам, набрали сухих гибких веток, и Тима стал махать ими, как саблей, ловко сбивая редкие желтые листья. По другому деду он, кстати, казачьей крови.

Вокруг аллеи расставлены деревянные скульптуры зверушек. На «диком кабане» Тима с удовольствием посидел, болтая ногами.

На очереди у нас осмотр замерших в ожидании весны разнообразных детских аттракционов.

Вспомнилось, как летом, увидев Сёмку, глиняного кота, не в квартире, а восседающего на столе в садовой беседке, Тима не придал перемене значения. Он ехал в сад, чтобы пообщаться с живой Аськой. Она пришла, угостилась сушёной рыбкой и, в благодарность, разрешила с собой поиграть. И Тима поиграл с ней от души! Он её гладил, причём, по частям, видя равные достоинства и в голове, и в хвосте. Рвался её поцеловать. Попытался катать с ней грузовичок с песком, от чего она спряталась под настоящую машину. Но вскоре вышла, растянулась на травке, и все были довольны.

Незаметно за делами и разговорами обошли весь парк и направились к дому.

Уже перед самым выходом на катке неожиданно раздалась песня из мультфильма «Ну, заяц, погоди!» Тиму это удивило, и он тут же горячо поделился полученным впечатлением:

– Иду, иду и вдруг: «Снегурочка, где была?» – Я прямо опешил!

А я опешил от его слов.

Между тем погода поменялась – небо затянулось тучами, в воздухе появились снежинки, начало подмораживать. Проверил Тимину одежду – всё на месте, только варежки почти соскочили. Не беда, ладони у него всё равно тёплые.